

(того же Курбского, Палецкого, Микулинского и т. д.) и незнатного приближенного царя Алексея Федоровича Адашева.

Одновременно образ Грозного прекрасно вписывается в идеал просвещенного и гуманного монарха, а также ломоносовского царя-труженика. Изображение единого и стройного русского стана основывается на идее общенародного значения Казанской победы.⁴

Далее, в кратком «Взгляде на эпические поэмы», Херасков определяет жанр и назначение своего творения. В частности, после перечня главных эпических моделей, от античных до Тассо и Мильтона, он уточняет. «Для тех сие пишу, которые думают, будто эпическая поэма похвальною песнию быть должна. Эпическая поэма заключает кое-нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключение, в бытиях мира случившееся и которое имело следствием важную перемену, относящуюся до всего человеческого рода, — таков есть „Погубленный рай“ Мильтонов; или воспевает случай, в каком-нибудь государстве произошедший и целому народу к славе, к успокоению или, наконец, ко преображению его послуживший, — такова должна быть поэма „Петр Великий“, которую, по моему мнению, писать еще не время. Два великие духа принимались петь Петра Великого, г. Ломоносов и Томас; оба начали — оба не кончили.

К такому роду поэм причесть должно „Генриаду“ Волтерову — и мою „Россиаду“, не сравнивая, однако, слабое мое творение с превосходной эпопеей Волтеровой. Горе тому россиянину, который не почувствует, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу приобрело наше отечество от разрушения Казанского царства!»⁵

Вот вкратце общий замысел эпического творения Хераскова, откуда уже ясна идея противопоставления и борьбы на всех уровнях, историческом и идейно-эстетическом, центра и окраины, метрополии и периферии, столицы и провинции.

Итак, Москва и Казань, но не только они, если учесть тенденцию Хераскова к аллегоризации образов городов.⁶ Посмотрим, как он строит их поэтические образы и на каких идеологических предпосылках.

Два города представлены в поэме как историко-географические сущности, но одновременно и как одушевленные действующие лица, как настоящие города и как метафоры разнообразного содержания (Россия, христианство, мусульманство, Запад, Восток и т. д.).

Естественно, главное в изображении Москвы — ее традиционная функция слияния русского патриотического чувства и защиты

⁴ См. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955. С. 157—160.

⁵ Херасков М. М. Избранные произведения. С. 180.

⁶ Ср. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. С. 173.